

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука — Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1 (24)
ВЕСНА
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Сборник заклинаний-*дхарани* из Хара-Хото в Сериндийском фонде ИВР РАН. Предисловие, транслитерация, примечания
С.Х. Шахмадова 5
- И.В. Богданов*. Надпись *dʒtj/kz.j-nfr(.j)* в Вади Хаммамат 25

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Г. Грушевой*. Арабы-христиане Палестины и Сирии в изображении должностных лиц Императорского Православного Палестинского общества рубежа XIX–XX вв. 64

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западно-семитского письма: события и люди. IV. В поисках пальмирских текстов: первые европейские путешественники в Тадморе 78

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Ю.А. Иоаннесян*. Ценные находки рукописей священных текстов бабизма и религии бахаи в собраниях Санкт-Петербурга 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.В. Богданов, М.А. Редина-Томас*. Государство и международные отношения на Древнем Востоке. Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.) 107
- В.В. Щепкин* Международный семинар к 150-летию Д.М. Позднеева «История российско-японских отношений: источники, коллекции, проблемы изучения» (Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.) 112

Издание осуществлено
при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного университета

Т.В. Ермакова, Е.П. Островская. Девятые Всероссийские
востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-
Петербург, 23–24 ноября 2015 г.) 114

Т.А. Пан. Дальневосточный семинар Отдела Дальнего
Востока ИВР РАН в 2014–2015 гг. 120

РЕЦЕНЗИИ

Jacob P. Dalton. The Taming of the Demons. Violence and
Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London:
Yale University Press, 2011. — 311 p. (*А.В. Зорин*) 123

Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete
Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark.
Catalogue of Oriental manuscripts, Xylographs, etc.
in Danish Collections (COMDC). Volume 10.1. — Nordic
Institute of Asian studies. — 446 p. (*К.Г. Маранджян*) 125

Топоров В.Н. Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара
и ведийские гимны как основа реконструкции
индоевропейской гимновой традиции. — М.:
РГГУ, 2012. — 216 с. (*С.Л. Бурмистров*) 127

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты
1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред.
И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей.
1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских
правителей. 1738–1821 гг. — 1032 с. — Алматы:
АО «АБДИ Компани», 2014. (*Р.Ю. Почкаев*) 131

На четвертой стороне обложки:
Лист 1 «Махапраджняпарамита хридая-сутры»
(«Божэ боломидо синь цзин») из коллекции
ИВР РАН (китайский фонд Nova, шифр Н 56)

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
М.А. Унке
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

Dalton J.P. The Taming of the Demons. Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London: Yale University Press, 2011. — 311 p.

Книгу известного американского специалиста по тибетским рукописям из Дуньхуана Джейкоба П. Дэлтона «Укрощение демонов. Насилие и освобождение в тибетском буддизме» можно отнести к числу наиболее важных и ценных работ в области тибетологии, вышедших за последние годы. В определенной степени эта книга подводит концептуальный итог исследованиям различных авторов, так или иначе связанным с темой «сострада-тельного насилия» в тибетском буддизме.

За этим внешне оксюморонным термином скрывается представление о том, что буддийские йогины с помощью особых, «яростных» ритуальных практик могут направлять грозных Защитников Учения (дхармапал), таких как Махакала, Пэлдэн-лхамо, Дхармараджа и др., на подавление врагов буддизма с целью «освобождения» последних от текущей жизни, в которой ими накапливается исключительно дурная карма, для скорейшего обретения более благого рождения. Нередко эти практики трактуются в символическом ключе — утверждается, что под врагами здесь понимаются не реальные люди, а некие вредоносные демоны или внутренние препятствия йогина. Между тем даже в сравнительно недавней истории Тибета известны случаи, когда такие ритуалы проводились с конкретной целью подавления врагов Тибета и тибетской религии.

Исследование Дж. Дэлтона, основанное на изучении некоторых древних тантрических текстов, найденных в дуньхуанской библиотеке и относящихся к «темному периоду» тибетской истории после распада мощного централизованного государства и деинституализации буддийской сангхи в Тибете (IX–X вв.), раскрывает несколько пугающие воз-

можности реального применения подобных практик в условиях государственной и религиозной фрагментации и невротизирующее воздействие, которое рефлексия на эти практики оказала на тибетское национальное самовосприятие. Образы тибетцев как глубоко порочных дикарей, потомков горной демоницы и царя обезьян, и самого Тибета как земли, персонифицируемой в демоническом облике, по мнению ученого, уходят корнями именно в эту проблематику. Впоследствии по мере «окультуривания» Тибета демоническая роль стала отводиться жителям пограничных территорий, откуда на протяжении многих веков то и дело возникала угроза тибетской безопасности. Вплоть до середины XX в. ритуальные практики, связанные с концепцией «сострада-тельного насилия», доказывали свою эффективность в глазах правящих элит Тибета.

Книга состоит из Введения, семи глав и приложений с переводами текстов с тибетского языка.

Во Введении заявляется связь буддийского мифа о том, как Ваджрапани подчинил демона Рудру, с ритуалами «освобождения» как своего рода теоретического обоснования с практической реализацией идеи «сострада-тельного насилия». Наиболее пространная версия мифа о подчинении Рудры, содержащаяся в тантрическом тексте IX в. «*Самаджавидья-сутре», представлена в приложении в переводе Дж. Дэлтона.

Глава I «Зло и неведение в тантрическом буддизме» содержит емкий исторический обзор темы отношения к насилию в индийском буддизме и вскрывает проблему трудноуловимого отличия праведного, оправданного этически, полезного для наказуемого насилия, воплощенного в образе Ваджрапани, от насилия как проявления злого, темного, демонического начала, воплощенного в образе Рудры. В рамках буддийского учения, провозглашающего любовь и ненасилие своими фундаментальными принципами, оказывается

возможным надление пробужденных существ, вышедших из сансары, правом на физическое подавление и даже убийство врагов Учения. Проблема состоит в том, что внешне между грозным Ваджрапани и демоническим Рудрой обычному существу невозможно увидеть разницу. Ваджрапани и Рудра, как нирвана и сансара, идентичны и в то же время антагонистичны друг другу.

В главе 2 «Демоны во тьме» рассматривается «темный период» истории Тибета (автор считает более обоснованным другое его обозначение — «период фрагментации») как время подлинного проникновения буддизма во все слои тибетского общества (в отличие от предыдущего периода, когда буддизм оставался религией меньшинства — части правящей элиты и небольшой прослойки монахов). Это всеобъемлющее проникновение было достигнуто прежде всего за счет популярности тантрических практик, ряд из которых впоследствии был не только отвергнут вновь утвержденными монашескими институтами, но и интерпретирован как свидетельство дикости, свирепости, темноты, якобы присущих этому периоду. Однако новое торжество институционального буддизма, по мнению автора, было бы невозможно без этого этапа.

Глава 3 «Буддийский ритуал с человеческим жертвоприношением?» содержит анализ дунхуанского текста, описывающего «яростный» ритуал в таких терминах, которые автор книги считает относящимися не к символическому изображению врага (тиб. *линга*), но к реальному человеку. Этот текст ныне представлен тремя фрагментами: начало и конец хранятся в Британской библиотеке, середина — в Национальной библиотеке Франции. В книге Дж. Дэлтона содержатся транслитерация текста и его полный перевод. Исследователь доказывает, что его трактовка текста как описания человеческого жертвоприношения подтверждается другими древними тибетскими свидетельствами (отчетливо негативными) о существовании таких практик.

В главе 4 «Жертвоприношение и Закон» рассматривается главное такое свидетельство, а именно эдикт Еше-о, правителя западнотибетского царства Гугэ, в котором он клеймил различные искаженные практики и злоупотребления со стороны тибетских тантриков — зачастую реальных властителей отдельных местностей. Автор книги трактует этот эдикт как попытку Еше-о утвердить свою власть, распространив авторитет вводимых им зако-

нов на политически фрагментированной территории, где его объективными конкурентами выступали местные религиозные лидеры. Искоренение реальных жертвоприношений и замена их ритуалами с использованием символов-заместителей, в сущности, предстают как борьба за право на насилие, которое государство всегда стремится зарезервировать за собой.

В главе 5 «Подчинение территории» рассматривается знаменитое изображение Тибета в виде демоницы, словно пришпиленной к земле буддийскими храмами, как аллегорическое изображение самих тибетцев, якобы диких и необузданных по природе, что проявилось в «темный период» в виде ритуальной распущенности и прочих искажений чистой буддийской религии. Строительство монастырей и храмов предстает способом покорения территории, населенной «демонами». Однако за этой картиной скрываются победоносный реванш буддийских институтов и насильственное навязывание тибетцам новой, приниженной самоидентификации.

Глава 6 «Буддийский способ войны» кратко касается последующей истории Тибета: уже в XIV в. тибетцы мыслят свою страну как центр буддизма, на границах которого возникла монгольская угроза, будто бы успешно нейтрализованная с помощью ритуальных практик; в дальнейшем, к XVI–XVII вв., их применение в функции «военной магии» стало неотъемлемой частью тибетской политики.

Глава 7 «Заключение: насилые в отражении зеркал» развивает заявленную во Введении параллель между двумя интеллектуалами, европейским миссионером Л.О. Уодделем и тибетским ламой из школы ньингма Рикцин Гарвангом, которые примерно в одно и то же время (конец XIX в.) рассуждали о некоторых «темных» сторонах тибетской культуры. Автор, разумеется, оговаривается, что Рикцин Гарванг, хотя и мог бы, пожалуй, признать некоторые обвинения со стороны европейца справедливыми, фундаментально иначе относился к теме насилия, вере в существование демонических сил, соответствующим ритуалам и т.д. Если Уоддел как протестантский миссионер считал всю тибетскую религию дикой фантазией, погружающей тибетский народ в омут поклонения демонам, то Рикцин Гарванг как буддийский миссионер в одном из отдаленных пограничных районов провинции Кам, незадолго до того принявшем буддизм в его институциональной фор-

ме, пытался привить в этих местах отторжение от практиковавшихся там кровавых жертвоприношений. Автор показывает, что для тибетской религиозной элиты, оказавшейся перед страшными испытаниями XX в. практически беззащитной, вся пограничная зона представляла дикой, демонической территорией, требовавшей подчинения. Однако если с архаическими верованиями буддийские проповедники могли в определенной степени справиться, то с «красной угрозой», о которой Далай-лама XIII перед смертью предупреждал своих соотечественников в тревожных пророческих тонах, никакими ритуальными практиками совладать оказалось невозможно.

Если и можно предъявить к книге Дж. Дэлтона какие-либо претензии, то только в отношении последней главы, конкретнее — к внешне эффектной параллели между тибетским ламой и европейским миссионером. На мой взгляд, она является избыточной, если не уводящей в сторону. Как очень многие свидетельства европейцев, представителей другой религии и (в то время) принципиально другой цивилизации, о жителях и культурах «экзотического Востока» (даже если они имели к ним научный интерес), это *случайное*, поверхностное свидетельство. Поставленное напротив свидетельства коренного, внутреннего, оно создает с ним систему зеркал (что подчеркнуто автором в названии главы), в которой тема «со-страдательного насилия» поневоле обретает отчетливо негативное звучание. На мой взгляд, это идет несколько вразрез с общей отстраненно-объективной линией книги — безупречной с научной точки зрения. Прекрасно написанная, превосходно структурированная, она впервые на высоком теоретическом уровне описывает реальное место темы насилия в тибетском буддизме как формообразующего фактора культуры и политики в историческом развитии.

А.В. Зорин

Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark. Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs, etc. in Danish Collections (COMDC). Vol. 10.1. — Nordic Institute of Asian Studies. — 446 p. ISBN: 978-87-7694-147-5

Крупнейшая в Скандинавии Королевская библиотека Дании выпустила очередной, десятый том из серии «Каталоги восточных

рукописей и ксилографов в датских коллекциях» — «Каталог японских рукописей и редких книг», подготовленный сотрудницей библиотеки М. Педерсен. Роскошная, альбомного формата книга с великолепными полностраничными иллюстрациями и подробными характеристиками каждого из 152 наименований, представленных в этом издании, производит впечатление солидного научного труда, изданного с учетом всех самых взыскательных требований.

Большая часть ранних японских книг в коллекции датируется эпохой Токугава (1603–1867), а точнее, периодом второй половины XVIII — середины XIX в. Издания до 1603 г. представлены лишь несколькими фрагментами буддийских сутр. В то же время в библиотеке имеется много изданий, выпущенных после 1868 г., однако в каталог вошли только серии гравюр, традиционных ксилографов, фотоальбомы и некоторые книги, созданные при помощи подвижного металлического шрифта. Как подчеркивает автор каталога, это было сделано для того, чтобы «проиллюстрировать постепенное развитие и трансформацию традиционного книгоиздания в современную книжную печать» (с. XI).

Большая часть коллекции была приобретена в конце XIX — начале XX в. (об этом свидетельствуют экслибрисы) — время, когда японская традиционная книга хлынула на международный рынок. Многие книги были приобретены при посредничестве французского дилера. Тем не менее в каталоге встречаются экземпляры, купленные или полученные в дар уже в последние десятилетия.

В подробном вступлении к каталогу приводятся сведения о коллекции, ее формировании, жанровом разнообразии. И здесь называется первая особенность этой книги: в отличие от авторов многих других каталогов, М. Петерсен предлагает идти не от имеющегося в наличии материала, а напротив, от многообразия видов и жанров книги, отмечая, что в коллекции представлено, а что нет. Впрочем, в самом корпусе каталога этот принцип отходит на второй план, поскольку внимание сосредоточено на каждом конкретном экземпляре. Однако автор, как мне кажется, не случайно подчеркивает важность процесса эволюции японской книги, или, говоря точнее, ее форматов. В этом каталоге акцент сделан именно на формате книг, когда жанровые особенности требовали своего особого способа оформления.

В предисловии дана характеристика жанров, отражающих всю палитру книжной культуры. Однако в самом каталоге книги представлены согласно классификации, использованной в ставшем уже классическим каталоге японских ранних книг из библиотеки Кембриджского университета, составленном Хаяши Нодзому и Питером Ф. Корницки¹.

Рубрики расположены в следующем порядке: Энциклопедии, Синто и кокугаку, Буддизм, Христианство, Язык, Литература, Музыка и драма, История, География, Политика и юриспруденция, Образование, Наука, Медицина, Искусство, Синология, Японская синология.

В предисловии подробно рассказывается о параметрах, которые использовала автор при описании каждого издания. При этом вся терминология дана по-японски, что ориентирует читателя на сугубо японский подход к описанию книги. Для удобства читателей, не слишком хорошо знакомых с японской традицией, каталог снабжен глоссарием, в котором даны англоязычные разъяснения каждого японского термина, используемого в описании. Помимо этого приведены названия и даты периодов правления, а также — что особенно ценно! — дана таблица всех традиционных (в сантиметрах) размеров книги с их названиями. Кроме того, в конце каждого описания указывается, где можно ознакомиться с виртуальной копией сочинения, в каких хранилищах и библиотеках оно хранится, где и в каких каталогах описано. Более того, в случае если это редкий экземпляр, автор особо оговаривает, есть ли еще его копии за пределами Дании (например, № 38). Любопытный человек, впервые взявший в руки этот каталог, получит в свое распоряжение блестящий инструментарий, позволяющий ему быстро войти в тему.

М. Педерсен демонстрирует виртуозное владение материалом, и это, на мой взгляд, одно из главнейших достоинств каталога. Потрясающий справочный аппарат делает этот каталог своего рода энциклопедией для тех, кто интересуется историей традиционной книги Японии. Подробнейший список литературы на тему, огромный список онлайн-энциклопедий и справочников, онлайн-каталоги,

базы данных изображений, выложенные в Интернете статьи и блоги выгодно отличаются рассматриваемый каталог от других изданий этого типа. Колоссальная работа, проделанная М. Педерсен, вызывает профессиональное восхищение и огромное уважение.

Однако бесспорные достоинства каталога иной раз оборачиваются недостатками, когда стремление вложить в статьи как можно больше информации приводит к обратному результату и нужная информация оказывается на периферии. К примеру, в описании в разделе “Imprint” приводится так много сведений о всех изданиях конкретного сочинения, что трудно понять, когда же конкретно был создан представленный в каталоге том. Подобное затруднение возникает не один раз, заставляя еще и еще раз вчитываться в текст, чтобы уяснить конкретное время выпуска интересующего вас сочинения.

Отметим и некоторые другие недостатки. К примеру, представляя переводы Нового Завета, сделанные миссионером Б. Беттельхаймом (№ 8–13), автор приводит разные годы жизни Б. Беттельхайма — то 1811–1869, то 1811–1870. Причем на одной странице (с. 20), например, приведены оба варианта! Совершенно непонятно, почему «Евангелие от Луки», которое в японской транскрипции читается как «Рока дэн фукуинсё» (и автор приводит эту транскрипцию!), предлагается читать как «Рука Дэн Фукуинсё» (с. 20, 24, 28). Кроме того, никак не объяснено, почему «Послание к Римлянам» и «Деяния Апостолов» идут под шапкой «Евангелия от Луки».

С сожалением подчеркнем, что далеко не все названия даны в английском переводе. Часть названий приводится в рубрике “Contents”, а часть остается просто проигнорированной. Не украшают книгу и опечатки, первая из которых встречается в заглавии самого первого описания: куда-то запропастился последний иероглиф в названии сочинения...

Впрочем, подобные недостатки, которые, как ни прискорбно, несколько портят общее впечатление от профессионально выполненного каталога, тем не менее не мешают ему выполнить свою главную роль: как заявлено во вступлении к книге, он должен был представить миру редкие японские книги из Королевской библиотеки после долгих лет их забвения. И эта задача полностью выполнена.

К.Г. Маранджян

¹ Hayashi Nozomu, Kornicki P.F. Early Japanese Books in Cambridge University Library: A Catalogue of the Aston, Satow and von Siebold Collections. Cambridge (England): Cambridge University Press, 1991.

Топоров В.Н. Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. — М.: РГГУ, 2012. — 216 с.

Рассматриваемая книга — плод одного из замыслов В.Н. Топорова, реализовать который полностью Владимиру Николаевичу помешала безвременная кончина. Тем не менее книга оставляет впечатление почти завершенной и вполне рационально организованной, что свидетельствует о том, с какой тщательностью подходил автор к работе над своими трудами.

Она поднимает тему, почти не исследованную ни в западной, ни тем более в отечественной филологической науке, — происхождение гимнической традиции у индоевропейских народов. В самом деле, исследуя культуру древнейших индоевропейцев, мы можем поставить вполне логичный вопрос: какие из культурных феноменов, нынешних и известных по историческим свидетельствам, достались индоевропейским народам от эпохи языкового единства в северном Причерноморье (или еще более ранних времен), а какие развились уже после разделения? Тема эта столь безбрежна, что для полного исследования ее нужны многие годы работы большого научного коллектива, однако книга В.Н. Топорова отчасти заполняет пробелы в нашем знании о древнейшей культуре того народа (или тех народов), от которых пошли и индоарии, и греки, и кельты, и славяне — словом, народы индоевропейского корня.

Раскрытые автором особенности индийской и древнегреческой гимнической традиции говорят о том, что гимнография существовала уже в эпоху индоевропейского языкового единства и характерные черты ее продолжили свое существование у позднейших индоевропейских народов, уже разошедшихся и потерявших контакт друг с другом. Ярчайшими образцами ее В.Н. Топоров считает Ригведу и гимны Пиндара, в которых находит множество черт, сходство которых вряд ли могло быть случайным. «Основное положение, выдвигаемое здесь, — пишет он, — состоит в том, что гимны Пиндара и гимны RV (Ригведы. — С.Б.) могут рассматриваться как разные, но не теряющие сходных признаков, отсылающих к общему индоевропейскому наследию, трансформации (в частности, и жанровые) этого исходного наследия. Иначе

говоря, и Пиндар, и RV понимаются как два отражения исходной мифопоэтической традиции, опознаваемой наиболее адекватно по сюжету, языку и отчасти стилю, но и по жанру (гимновая конструкция), хотя в принципе нельзя исключать, что перед нами в том и в другом случае жанровая трансформация некоего мифопоэтического нарратива (а если углубляться далее — совокупности соответствующих, близких к самодостаточности и кратких — по форме выражения — мотивов, которым еще только предстояло организоваться в целое сюжета)» (с. 23).

Одна из основных тем как ведийской, так и греческой гимнографической традиции — тема поединка, состязания и победы, и эта общность далеко не случайна, особенно если учесть, что реализуется она у Пиндара и в Ригведе очень по-разному. В ведийской гимнической традиции это тема поединка героя (будущего победителя) с противником, который в любом случае терпит поражение. Здесь цель поединка — именно победа и приносимые ею благие плоды (с. 24). Таков, например, поединок Индры и Вритры: змей, пленивший воды, изначально обречен на поражение — хотя бы уже потому, что Тваштар, создавая Вритру, в ходе жертвоприношения ошибся; ошибка была невелика, но, как известно, в ведийской уајѝа мелочей не бывает, и ударение, неправильно поставленное в мантре, привело к тому, что создание Тваштара в конце концов оказалось побеждено ведийским громовержцем. Иными словами, Вритра уже сотворен проигравшим. Для греческого же состязания «узел напряженности... в тревожном ожидании обнаружения божьей воли, потому что состязания, в чем бы они ни состояли — в „спорте“, военном деле, судебном разбирательстве или соревновании поэтов, — есть только варианты божьего суда» (с. 24). Тем не менее и в ведийской традиции наблюдается нечто подобное: «...в мистерии поединка Индры со своим противником, приуроченной к главному годовому ритуалу, его участники, зная, что Индра должен победить, не знают до последнего момента, что он действительно победит, как не знали этого потенциальные свидетели „перво-поединка“; именно такова религиозно-психологическая установка, и для участников ритуала важнее, что в ходе его выявляется победитель, чем то, что имя победителя — Индра» (с. 25).

Другой момент гимнографической традиции в Греции и Индии — понятие меры

(санскр. *mātrā*, греч. μέτρον), однако трактовки его у Пиндара и в гимнах Ригvedы различны. У греческого поэта мера — предел, преступать который смертному не следует, ибо каждому положена своя доля («...всех безумий острее страсть о недоступном», — цитирует В.Н. Топоров Пиндара на с. 28), и здесь можно вспомнить известную греческую поговорку — то μέτρον ἄριστον («мера — наилучшее»). В ведийской же гимнографии мера — это то, что герой как раз *преступает*, превосходит, чтобы победить противника — победить *на пределе* собственных сил и возможностей. Но все это не отменяет общих черт, роднящих Пиндаровскую поэзию с творениями ведийских *риши*, и даже подчеркивает их. «Связь Пиндаровых од, особенно олимпийских, и ведийских гимнов, обращенных к Индре, не вызывает сомнений. Главным героем тех и других оказывается Громовержец, и действие концентрируется вокруг него. Оно происходит в пространственном центре и у предела времени, когда жизненные силы истощаются, уже на исходе, и тень смерти покрывает предстоящее» (с. 31). В принципе, если развить эту мысль, можно допустить, что последняя битва, в которой герой все-таки побеждает противника, уже сама по себе делает то место, где она совершается, центром Вселенной: здесь силы хаоса встречаются с упорядочивающей мир волей, в конце концов одолевающей их и возводящей организованный мир заново. То же самое можно видеть не только в Ригvedе, но и, например (причем достаточно ярко), в Махабхарате, где поле Курукшетра оказывается местом последней битвы сил порядка и хаоса. При этом силы порядка уже почти истощены, герои прошли уже все возможные унижения и пребывают, образно говоря, в нижней точке своей жизненной траектории. Тем не менее они одерживают победу, в результате чего наступают мир и благоденствие в стране, которая управляется теперь носителями праведности. Сам В.Н. Топоров о Махабхарате не говорит (в книге он ставит перед собой немного другие задачи), но, во всяком случае, выводы, сделанные им, в значительной мере справедливы и для других литературных традиций.

Победа героя восхваляется в форме *песни* (греч. ᾠδή, ᾠδή), которая интересна тем, что она никогда не бывает ценностно-нейтральной: это всегда либо восхваление, либо поношение. (В ряде культурных традиций считалось, что все то, о чем говорится в «песни

поношения», претворяется в реальность. Так, в древнеирландской культуре в «песни поношения» (*glam dicenn*) адресату приписывались всевозможные моральные недостатки и физические дефекты, и, как полагали, исполнение песни приводит к тому, что эти недостатки у человека действительно появляются — например, стоило филиду описать человека в *glam dicenn* как слепого и хромого, как вскоре жертву и в самом деле достигали слепота и хромота.) Другая же особенность песни — это «звонкость», громкость, далекая (и долгая) слышимость результатов этой „речезвуковой“ деятельности» (с. 42). Песнь не просто сообщает о подвиге героя — она делает этот подвиг общеизвестным и утверждает его в памяти потомков; иными словами, это та «слава», которой искали и герои европейских средневековых сказаний. Фактически, добавив от себя, отсюда можно сделать вывод, что и оды Пиндара, и гимны Ригvedы имели целью прежде всего *прославить* деяния своих героев, и мотивы, которыми руководствовался Индра, шагая на битву с Вритрой, были сходны с мотивами, побуждавшими князя Игоря идти воевать со степняками (вывод, конечно, достаточно радикальный, далеко не бесспорный и требующий еще специальной проверки).

Важна в этом контексте и этимология слова ἔμνος. Ему соответствует санскритское *sumná*, которое в ведийских гимнах обозначает молитву о милости. «Само слово *sumná* - двусоставно — *su* - 'хорошо' и *mná* - от *man-*, обозначающего некий смыслостроительный процесс, который совершается через „мышление“, воображение, припоминание, осуществляющиеся как озарение, вдохновение, творчество, которое сродни поэтическому» (с. 54). Sub specie чистой этимологии, таким образом, само слово ἔμνος родственно русскому «мнение», греческому μνῆμη, санскритскому *man* «знать, мыслить», *manas* «ум, сознание» и т.п. «*Sumná* — то особое состояние ума, мысли, „мнения“, души, сердца, которое определяется чувством положительного приятия, благосклонности, благожелательности, и текст-молитва, просьба о достижении этого состояния, о милости, которую просят у богов» (с. 55). Это, по сути, молитва о *благомыслии* бога по отношению к молящемуся.

Таким образом, гимн — и у Пиндара, и в Ригvedе — это мольба к божествам о милости и одновременно воспевание их благих качеств и подвигов, совершенных на пределе возможности и имевших результатом установление

или восстановление некоего идеального вселенского порядка. Собственно, можно допустить, что перечисление подвигов и совершенств уже само по себе представляет молитву, ибо призвано умиловать бога и напомнить ему, какие деяния он совершил, как он внес порядок в мир, и тем самым побудить его проявить милость еще раз — по отношению к молящемуся.

Особенно подчеркивается это одной особенностью мифологического образа Индры, как он дан в Ригведе: в гимнах повторяется, что Вритра был не просто убит Индрой, но раздроблен, расчленен, подобно «раскрошенному тростнику» (с. 73). Это нельзя уже назвать просто убийством противника. Убийство Вритры представляет собой полное его уничтожение и тем самым — шаг к обретению бессмертия, преодолению смерти, возрождению к полноте жизни (с. 74).

При этом В.Н. Топоров подмечает в ведийских гимнах один интересный момент — они «нередко обнаруживают присутствие глубокого и, вероятно, вполне сознательного параллелизма между творением мира (а миф о победе Индры над хтоническим Вритрой, несомненно, миф творения нового, упорядоченного, открытого, динамично-интенсивного мира) и творением текста об этом самом творении мира. И в том, что в подавляющем большинстве версий „основного“ мифа этот миф расчленяется на мотивы и даже на составные их части, кажется, следует видеть осуществление указанного выше принципа в рамках текста, который выстраивается из расчлененных на части, перемешанных и разбросанных частей мифа, пока он не становится новым и усиленным целым текста, к созданию которого — как бы по индукции — подключается и творческое сознание тех, кто воспринимает этот текст» (с. 74–75). Иными словами, сами гимны демонстрируют рефлексию авторов Ригведы на собственное творчество и их умение учитывать, как эти гимны отразятся в сознании адресатов — участников ведийского жертвоприношения. Гимны представляют собой не только описание некоторого события (скажем, убийство Индрой Вритры), но и описание самих этих гимнов, то есть *самоописание*. Здесь В.Н. Топоров вводит понятие *автометаописания*, под которым понимается «некое иное описание самого себя через обращение на явное, открытое любому воспринимателю текста сообщение о некоем событии» (с. 70).

Однако двухуровневость гимнов Ригведы не ограничивается различием описания события и описания самого этого описания. Они двухуровневые еще и в другом смысле: событие, о котором говорится в гимне, отсылает к другому событию — прецеденту, в свете которого данное событие объясняется и обретает смысл. Таким прецедентом является сотворение мира, и каждое новое начало, обновление мира представляет собой отсылку к этому «первособытию» (с. 79). В этом заключается важное различие между гимнами Ригведы и Пиндара: в греческой гимнической поэзии акцент ставится не на том, что было когда-то, а прежде всего на том, что происходит сейчас (с. 80). Однако в обоих случаях оппозиция старого и нового (которое обретает смысл в свете старого) сохраняется и играет важную роль в построении гимна. Новая победа, которой добивается герой, тем самым выступает, по существу, знаком древнего события, воспроизводящегося в ней.

Победа над силами хаоса, воспеваемая в гимне, — это, как было сказано выше, установление благого и совершенного порядка, *та*, и само слово, обозначающее его, этимологически родственно греческим *harna* «упряжка, колесница», *harmozo* «скреплять, сплачивать, прилаживать», *harmonia* «скрепление, связь, соглашение, договор, установление, порядок, душевный склад, слаженность, соразмерность» и т.п. (с. 107–108). К тому же индоевропейскому корню относятся и русское слово «ярмо», латинское *arma* «снаряжение, оружие», тохарское *uarm* «мерка». «Все эти слова довольно очевидно связаны с и.-евр. **ar-/*r-*, обозначающим действие приведения в движение, поднятия, прилаживания, скрепления, соединения и т.п. Древнегреческие примеры, как и вед. **ar-/*r-*, хорошо сохраняют эту семантику и в ряде случаев помогают наметить дополнительные пары греко-арийских соответствий, о чем писалось в другом месте. Еще одну такую параллель можно видеть в паре *ἀρτή*, — вед. *та* (ср. др.-перс. *arta-*, авест. *aša*), связанное с идеей порядка, соразмерности, правильности, подлости, истинности и т.д. Это слово *та*- обозначает, пожалуй, самое ключевое понятие ведийской модели мира, определяющее безопасное и надежное существование и функционирование и макро- и микрокосма... Понять *та-*, принять и усвоить себе, значит стать человеком высшей добродетели, высших нравственных качеств — *ἀρτή*, если перевести этот ведийский термин

на греческий язык» (с. 111–112). Таким образом, в гимнографических традициях ведийских арьев и древних греков, по существу, воспевается герой, устанавливающий священный мировой порядок, тождественный порядку нравственному, и это становится возможным лишь потому, что он сам несет этот порядок в себе и в соответствии с ним перестраивает хаотический, неорганизованный или неправильно организованный мир. Он, если угодно, вносит гармонию, внутреннюю слаженность и внешнее соответствие в мир, раздираемый противоречиями.

Между Пиндаром и Ригведой, однако, есть и еще одно различие: в первом случае победитель — человек, именно он непосредственно вносит в мир гармонию, тогда как во втором случае непосредственным субъектом гармонизации мира выступает бог. Тем не менее бог-победитель в пиндаровских гимнах все же неявно присутствует — в текстах Пиндара достаточно намеков на победу бога, хотя сам по себе он выведен за рамки гимна. В то же время в индийской традиции человек начинает изображаться как герой и победитель сравнительно поздно (с. 117). А кроме того, «в ведийском первичным является глагол *jī-* ‘побеждать’, а оба обозначения победы вторичны и отглагольны. В древнегреческом, наоборот, первично существительное *νίκη*, а глагол *νικάω* ‘побеждать’ представляет собою вторичное деноминативное образование. Можно думать, что за этим „формальным“ различием в действительности стояло многое» (с. 118). При этом В.Н. Топоров обращает внимание на один примечательный момент в этимологии слова *νίκη*: оно всегда связано с низом, глубинами и восходит к тому же индоевропейскому корню, что русские «никнуть», «ничком», литовское *nykti* «хиреть, пропадать, чахнуть», древнеанглийское *nihol* «наклонный, склонившийся». «В отличие от ведийского обозначения победы, отсылающего к восходящему движению и жизни, др.-греч. *νίκη* напоминает о низе (ср. др.-инд. *ni-*, *nīśā*, *nīśānā* и др.) как месте смерти и царства мертвых, во всяком случае, для той эпохи, когда это слово оформлялось и языковые мотивировки были еще ясны. В этом контексте *νίκη* — победа в том же самом смысле, что и др.-русск. побѣда — унижение, несчастье, унижение побежденного при торжестве победителя, субъекта унижающе-уничтожающего действия» (с. 124). Иными словами, герой, как подчеркивается в гимнах, не просто берет верх над

своим противником, но тем самым принижает его, повергает его наземь, и сама этимология греческого языка заставляет авторов гимнов подчеркивать именно эту сторону победы, тогда как ведийские гимны, напротив, по таким же этимологическим причинам выделяют победителя, а не побежденного, именно к победителю, а не к побежденному привлекают внимание слушателей.

Естественно, победа никогда не дается без труда, однако в наших современных разговорах об этом люди порой склонны подчеркивать *легкость* победы: это как бы доказывает силу победителя — он настолько силен, что уложил противника на лопатки почти без усилий, «одной левой». Для культуры же древнегреческой и ведийской такое было невозможно. Это очевидным образом следует из того, что, как говорилось выше, герой всегда вынужден сражаться на самом пределе возможностей, из последних сил. Само выражение «легкая победа» было бы воспринято слушателями Пиндара как *contradictio in adjecto*, как выражение типа «деревянное железо». Победа в этом смысле есть компенсация за труд (с. 151–153). «Победе в состязании предшествует труд, труду же — наличие некоего дефицита, в наиболее чистом виде — акт смерти, которая как раз и искупается-выкупается состязательным трудом», а «сами состязания имели функцию испытания (*πεῖρα*, слово, хорошо известное Пиндару), своего рода инициации, т.е. того ритуала, в котором происходит как бы соединение-слияние, растворение друг в друге жизни и смерти, победы и поражения» (с. 161). Иначе говоря, герой потому и становится героем, что демонстрирует пределы своих сил, и пределы эти поистине велики, если позволяют ему достичь превосходства над серьезным соперником в атлетическом состязании или (тем более) убить страшного демона. Побеждая Вритру, Индра являет миру свою мощь и тем самым подтверждает свой статус божества — более того, *верховного* божества в ведийском пантеоне.

В.Н. Топоров, таким образом, показывает в своей книге лишь одну из тем гимнографических традиций Древней Греции и Древней Индии, но чрезвычайно важную — тему победы над врагом, соперником, имеющим, возможно, демоническую природу, в силу чего победа над ним обретает космическое измерение, становясь событием, вносящим в мир сакральный порядок. Однако и без этого тема победы выступает в гимнах — равно индий-

ских и греческих — одним из центральных мотивов, ибо в них прославляются сила и мощь героя, прошедшего тяжкие испытания, победившие от него напряжения всех сил. Победа, труд и слава оказываются в гимнографических традициях Индии и Греции понятиями взаимосвязанными — первая невозможна без второго и прославляет героя, делая его носителем тех нравственных совершенств, которые общество требует от своих членов.

Разумеется, поскольку книга не была завершена автором и представляет собой черновой текст, в котором, как пишет в предисловии редактор издания Н.П. Гринцер, недостает еще нескольких глав, последние фрагменты книги кажутся мало связанными с основным текстом. Однако это ставит перед читателями книги проблемы, которые сам В.Н. Топоров решить не успел. Так, требует отдельного анализа метрика пиндаровского стиха и Ригведы. Не менее интересным представляется исследование феномена *дакишны*, которую обычно понимают как простую плату жрецу: автор книги подчеркивает, что платой *дакишна* как раз не является — она представляет собой *выкуп*, которым жертвователю выкупает себя у жреца (с. 185). Эта тема перекликается во многом с анализом понятия «долг» (*ṛṇa*) в ведийской религии, проведенным французским индологом Ш. Маламудом в своей известной книге «Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии». Словом, книга В.Н. Топорова, будучи, несмотря на черновой характер, глубоким и подробным исследованием, все же оставляет простор для дальнейшей работы — для *подвига* и *победы*, которую нам предстоит, в полном соответствии с идеями, изложенными в книге, одержать *на пределе возможностей* и тем снискать себе, возможно, *широкую славу*.

С.Л. Бурмистров

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биограф., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. — 1032 с. — Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014.

В 2014 г. произошло событие, которое, без сомнения, можно назвать прорывом в изучении истории Казахстана и русско-казахских

отношений XVIII — начала XIX в.: опубликовано фундаментальное двухтомное издание, содержащее более 800 посланий казахских правителей монархам, представителям центральных и региональных властей Российской и Цинской империй, ханам Джунгарского и Калмыцкого ханств. Из 811 документов только 164 были опубликованы ранее, тогда как остальные вводятся в научный оборот впервые. Составителем и редактором сборника документов, а также автором введения, биографических очерков, ряда исследовательских приложений и комментариев является Ирина Викторовна Ерофеева — признанный на международном уровне специалист по истории Казахстана и казахско-русских отношений XVIII в., автор ряда монографических исследований, множества статей и докладов по данной тематике.

Безусловно, нельзя сказать, что это первая публикация документов подобного рода: отдельные грамоты и послания казахских ханов и султанов различным адресатам издавались уже в XIX в., правда в труднодоступной сегодня региональной периодике («Астраханский листок», «Оренбургский листок», «Томские губернские ведомости» и т.д.). Также некоторые документы вошли в работы, посвященные проблемам истории российской политики в Казахстане, подготовленные во второй половине XIX — начале XX в., в частности В.В. Вельяминовым-Зерновым, И.И. Крафтом, А. Харузиным, Н. Коншиным, А.И. Добромысловым и др.

В советский период издание казахских дипломатических актов приобрело более систематизированный характер, и уже целые подборки их были опубликованы в тематических сборниках. В 1940-е годы вышли два тома «Материалов по истории Казахской ССР», в 1960 г. — первый том «Материалов по истории политического строя Казахстана», в 1961 и 1964 гг. — два тома документов и материалов «Казахско-русские отношения», в 1989 г. — двухтомное собрание «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в.». Значительная подборка документов, включающая послания ханов и султанов, содержится в приложении к исследованию Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века» (Алма-Ата, 1981). Отдельные послания публиковались и в других тематических сборниках, не имевших прямого отношения к истории Казахстана, — например,

в «Материалах по истории Башкирской ССР» (т. I–V, М., 1936–1960), «Материалах по истории каракалпаков» (М., 1935), в сборниках «Международные отношения в Центральной Азии» (кн. 1–2, М., 1989), «Пугачевщина» (т. I, М.–Л., 1926) и т.д.

Настоящий «бум» публикации собраний документов по истории Казахстана начался после провозглашения независимости этого государства. В течение 1990–2000-х годов в свет выходит целая серия таких сборников: «Народно-освободительное движение казахского народа в 1836–1838 гг.» (Алматы, 1992), «Народно-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова» (Алматы, 1996), «Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник I (V в. до н.э. — XVIII в. н.э.)» (Алматы, 1997), «История Букеевского ханства. 1801–1852» (Алматы, 2002). Ряд посланий казахских ханов вошел и в изданные в России тематические сборники, посвященные истории отношений Российской империи с кочевыми народами, — например, «Материалы по истории Башкортостана» (т. VI, Уфа, 2002), «Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е годы XVIII в.)» (Барнаул, 2006), книга Д.А. Сусевой «Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.)» (Элиста, 2009). Из изданий на западноевропейских языках, наверное, самой значительной современной публикацией казахских документов-посланий является работа японских ученых Д. Ноды (D. Noda) и Т. Онумы (T. Onuma) «A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty» (Токио, 2010, факсимиле, транслитерация и английский перевод).

Таким образом, «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты» продолжает давнюю и развитую научную традицию. Вместе с тем данное издание демонстрирует принципиально новый подход к публикации эпистолярных документов с точки зрения цели и подачи материала. Вышеупомянутые сборники отражали общеисторическое развитие Казахстана и его отношений с соседними государствами, соответственно, документы в них располагались в хронологическом (или тематическом) порядке, да и ханские послания, как правило, составляли среди них не слишком значительную часть. Целью же «Эпистолярного наследия» стала, по словам составителя сборника И.В. Ерофеевой, попытка воссоздать «жизнь каждого хана и султана в его письмах». Структура двухтомника в полной

мере соответствует поставленной цели. Документы сгруппированы по адресанту, причем каждую подборку предвдваряет небольшой биографический очерк, посвященный автору писем, включающий его происхождение, даты жизни и правления, краткую характеристику политической деятельности, связи и т.д., что позволяет соотнести эти сведения с личными посланиями самих ханов и правителей.

Всего в двухтомнике представлены послания 16 казахских правителей. Некоторые из них (равно как и ряд посланий) хорошо известны не только исследователям истории Казахстана, но и менее подготовленным читателям — в частности, последний общеказахский хан Тауке, ханы Младшего жуза Абулхаир, его супруга Бопай, сыновья Нуралы, Ералы и Айчувак, внуки Пиралы и Есим, ханы Среднего жуза Абулмамбет, Абылай, Вали, могущественный султан и претендент на ханский трон Барак и др. Однако наряду с их корреспонденцией в сборник вошли письма правителей, имена которых практически не известны никому, за исключением очень узкого круга специалистов. К таковым можно отнести, в частности, Абылай I (конец XVII в.), хана Старшего жуза Жаубасара (середина XVIII в.), ханов Среднего жуза Кушыка и Сеита (вторая половина XVIII в.). Ранее эти правители были известны лишь по кратким упоминаниям в исторических сочинениях и генеалогиях, теперь же благодаря их собственным письмам (пусть даже и единичным) появилась возможность более подробно изучить их политическую деятельность и роль в истории Казахстана. Также представляет большой интерес уточненный составительницей сборника перечень казахских ханов Хивы XVIII в., представленный в качестве приложения к первому тому издания.

По словам самой И.В. Ерофеевой, работа над сборником заняла 17 лет. За эти годы она и ее коллеги проделали гигантскую работу по сбору материалов в архивах и библиотеках России (Санкт-Петербург, Москва, Оренбург, Омск, Астрахань, Элиста), Казахстана и Узбекистана, где ими было обнаружено более 2,5 тыс. ранее неизвестных писем от 53 представителей казахской элиты конца XVII — середины XIX в. Предварительные наработки нашли отражение в целом ряде публикаций исследовательницы. Обширные цитирования посланий казахских ханов, султанов, батыров и биев приводятся в ее фундаментальной биографии хана Абулхаира («Хан Абулхаир:

полководец, правитель и политик»), выдержавшей три издания (Алматы, 1999, 2003, 2007). Исследованию ханских и султанских печатей на посланиях посвящена ее книга «Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время)» (Алматы, 2001). Ряд посланий представителей казахской элиты включен в генеалогическое исследование И.В. Ерофеевой «Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники)» (Алматы, 2003), а также в подготовленный исследовательницей второй том «Истории Казахстана в русских источниках» (Алматы, 2006) и др.

Издание «Эпистолярного наследия казахской правящей элиты» было анонсировано И.В. Ерофеевой еще в 2009 г., во время выступления на Научных чтениях памяти Н.Э. Масамова, состоявшихся в апреле 2009 г. в Алматы. Тогда исследовательница выразила надежду, что двухтомник выйдет в свет уже через год, однако различные обстоятельства (как организационные, так и финансовые) заставили отложить его публикацию. Однако, как представляется, эта вынужденная задержка не стала потраченным впустую временем, поскольку до выхода сборника И.В. Ерофеева получила возможность предварительно обнародовать ряд документов в специальных изданиях. Так, в 2013 г. в Алматы вышла новая монография исследовательницы «“Между всеми старшинами знатнейший”». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарұлы», в качестве приложения к которой были опубликованы многочисленные послания казахских ханов, султанов и батыров XVIII–XIX вв., связанные с личностью и деятельностью героя книги и судьбой его потомков. В том же году в третьем выпуске «Истории Казахстана в документах и материалах» (альманаха Национального центра археологии и источниковедения Республики Казахстан) И.В. Ерофеевой и Б.Т. Жанаевым было опубликовано более 70 посланий монархов и представителей власти государств Центральной Азии и Китая, адресованных казахским правителям XVIII — середины XIX в. (что, на наш взгляд, также относится к реализуемому Ириной Викторовной масштабному проекту публикации эпистолярного наследия Казахстана).

Первоначально И.В. Ерофеева планировала довести хронологию публикуемых ею документов до середины XIX в., однако позднейшие документы, включенные в рассматриваемый двухтомник, датированы 1821 г.

Это представляется вполне логичным: как раз к этому периоду относится начало реформы управления в Казахстане, проводившейся российскими имперскими властями, и как раз в этом году умирает Вали, последний хан Среднего жуза, признававшийся российской администрацией. Послания казахских правителей более позднего времени отражают уже совершенно иные политико-правовые реалии Казахстана, который превращается из вассала в неотъемлемую часть Российской империи, и их публикация в качестве самостоятельного издания (на выход которого в ближайшее время мы, конечно же, надеемся) представляется вполне логичной и оправданной.

Работая в лучших академических традициях, И.В. Ерофеева для обеспечения качественного перевода и полного, всестороннего изучения публикуемых документов привлекла к работе над сборником крупных специалистов, чья квалификация стала гарантией высокого качества переводов и исследований (о которых подробнее — чуть ниже). Так, переводы с чагатайского тюрки, фарси и турецкого языка выполнил Т.К. Бейсембиев, с маньчжурского — Т.А. Пан, с ойратского — Н.С. Яхонтова, с китайского — К.Ш. Хафизова. Рецензентами книги стали ученые с мировым именем — К.М. Байпаков, специалист по истории и культуре кочевых народов Евразии, и Т.И. Султанов, специалист по письменному наследию народов Центральной Азии. Выбор в качестве рецензентов именно этих ученых представляется неслучайным, поскольку двухтомник содержит не только несколько сотен писем ханов и султанов (т.е. письменные источники), но и авторские приложения, посвященные отдельным аспектам официальной и материальной культуры казахской элиты, которые являются весьма ценным, можно сказать — концептуальным, дополнением к основной публикации документов. Ряд статей-приложений, вошедших в первый том издания, посвящен таким вопросам, как значение писем казахских ханов и султанов в качестве исторического источника (вводная статья, автор — И.В. Ерофеева), города и аграрные селения казахских ханств (автор — М.Б. Кожа), одежда, головные уборы, оружие представителей казахского правящего сословия (авторы — И.В. Ерофеева и Э.Р. Усманова), ханские тамги (автор — А.Е. Рогожинский). И если сами ханские послания позволяют сформировать определенное представление о личностях отдельных правителей, их

персональных качествах и политических взглядах, то эти статьи, в свою очередь, дают возможность представить внешний вид казахских монархов, среду, в которой они жили и действовали, особенности ханского делопроизводства.

Большую помощь при работе с двухтомником способны оказать справочно-библиографические материалы, включенный во второй том издания: комментарии к публикуемым документам, обширный список использованных источников и литературы, а также перечень архивных фондов, указатели имен и географических названий. Самостоятельную ценность представляет «Терминологический словарь», включающий большое количество терминов русского и восточного происхождения, употребившихся в публикуемых документах. Правда, возможно, более целесообразным было сделать не просто словарь, а словарь-указатель, чтобы работающим со сборником исследователям было проще найти интересующий их термин в конкретном документе. Поиски же таких терминов во всех восьми сотнях документов отнимают слишком много времени. Однако, на наш взгляд, это единственный существенный недостаток настоящего сборника.

Естественно, в первую очередь издание представляет интерес для специалистов по истории Казахстана, Центральной Азии, российско-казахских отношений и т.д. Письма содержат ценнейший материал о политической ситуации в регионе, основных тенденциях и специфических чертах социально-экономического развития казахских ханств. Особое направление в изучении публикуемых документов может представлять «персональная история», т.е. жизнь и деятельность отдельных представителей казахской элиты, поскольку даже их официальные послания нередко отражают особенности их политических воззрений, взаимоотношения с правителями и представителями администрации других государств и т.д., — именно так, как уже отмечалось выше, видит цель издания сама И.В. Ерофеева.

Наряду с современными русскими переводами в двухтомник включены также факсимиле 250 документов, что делает сборник полезным для специалистов по восточной исторической филологии, которые имеют возможность проанализировать особенности официального стиля чагатайского тюрки, среднеазиатского фарси, османно-турецкого, ойрат-

ского, маньчжурского, китайского языков XVIII — начала XIX в.

Наконец, публикуемые письма являются ценнейшим источником для изучения российской правовой политики в Казахстане в рассматриваемый период, т.е. для историков права. Естественно, искать в них формальное содержание правового регулирования русско-казахских отношений не следует, да это и не нужно: нормативные правовые акты, регламентировавшие статус Казахстана в составе Российской империи, многократно издавались и хорошо изучены. Публикуемые письма же представляют, можно сказать без преувеличения, эксклюзивный источник сведений об отношении национальной элиты к российской правовой политике в Казахстане, субъективные оценки тех или иных российских мероприятий либо преобразований. Подобная информация не может быть обнаружена в правовых памятниках (официальных юридических документах), но объективно отражена в личной переписке, несмотря на то что большинство посланий тоже носит официальный характер. Несомненно, этот аспект нуждается в глубоком изучении и, конечно же, будет изучен — благо, что теперь для этого имеется обширная источниковая база, созданная благодаря усилиям И.В. Ерофеевой.

Наконец, нельзя не сказать несколько слов о тех, кто эту книгу издал, — алматинской фирме «АБДИ Компани», которая в последние годы, несомненно, стала одним из ведущих казахских издательств, выпускающих книги по истории и культуре народов и государств Казахстана. Среди изданных ими книг и такие масштабные проекты с огромным количеством иллюстративных материалов, как «Большой атлас истории и культуры Казахстана» (Алматы, 2008) и «Казахи. История и культура» (Алматы, 2014), а также «Древнетюркские тамги» (Алматы, 2010), «Казахское народное прикладное искусство» (Алматы, 2010) и др. Во многом издание «Эпистолярного наследия казахской правящей элиты» можно считать личной заслугой президента издательства Абдибека Шарбековича Бимендиева и главного научного редактора издательства Каната Зулкаршыевича Ускенбая.

Как следствие, двухтомник прекрасно издан с точки зрения полиграфии, включает большое количество иллюстраций (44 цветных вклейки в первом томе и 12 — во втором, всего 113 иллюстраций) — портреты казахских и иностранных (российских, китайских,

персидских) правителей и государственных деятелей, зарисовки современников, побывавших в Казахстане в период, к которому относятся публикуемые документы, карты XVIII в. и современные топографические планы городов — бывших городов казахских ханств. Несомненно, такой формат издания делает его не только нужной книгой для исследователей, но и «статусным» подарком. Неслучайно издатели сделали два варианта книги: одноцветный и двухцветный — для презентационных целей.

В завершение хотелось бы поздравить Ирину Викторовну Ерофееву с выходом в свет столь фундаментального собрания писем казахских правителей и выразить надежду, что «продолжение следует» и она продолжит работу по публикации посланий как других представителей казахской элиты периода, к которому относятся документы данного сборника, так и правителей Казахстана более позднего времени, тем более что эта работа ею в значительной степени уже проделана.

Р.Ю. Почкаев